

18+

ПЕЛАГЕЯ ЛЕНСКАЯ

Она никогда не видела ромашки

Пелагея Ленская

Она никогда не видела ромашки

«Издательские решения»

Ленская П.

Она никогда не видела ромашки / П. Ленская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-686731-4

Дион вынужденно переезжает в город, погружается в работу и учёбу, но не может забыть Луи, живущую в деревне девушку, которая отчаянно пытается сохранить связь с другом, отправляя ему 79 писем и ни на один не получая ответа. Спустя годы, прошлое настигает их в самый неожиданный момент, а судьба готовит последнее испытание — трагичную развязку, которая превращает эту историю в пронзительную притчу о быстротечности и ценности жизни.

ISBN 978-5-00-686731-4

© Ленская П.
© Издательские решения

Содержание

you	6
became	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Она никогда не видела ромашки

Пелагея Ленская

© Пелагея Ленская, 2025

ISBN 978-5-0068-6731-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

you

– Семьдесят девять... – второй раз подряд, словно молитву повторила. Сколько раз пересчитывала, сколько попыток понять делала. Но всё тщетно. Как будто все написанные от руки строки уходят в далёкую пустоту и не имеют никакой цели – как, к примеру, дойти до адресата.

Устойчивый запах в исконно-деревенском доме бабушки, от которого Луи успела отвыкнуть, моментально обдаёт сладковатым ароматом лёгкие, но разве не закалена она на такое количество смеси различных трав, булочек и одновременно какой-то прогнившей от постоянных дождей древесины? Запах сказки. Такой, понимаете, детской сказки, где не может быть отрицательных героев, а добро абсолютно всегда побеждает зло. Несомненно, у всех хороших хозяек уже с порога втягиваешь носом аромат румяных пирожков из печи, причём совершенно неважно, печёт она их или нет – дом всё равно пахнет свежими плюшками и кенджу¹.

Они, эти булочки, названы в честь маленького городка, где простые женщины готовили их по одному и тому же рецепту более тысячи лет. Кенджу фаршируют в пюре из красной фасоли, которое прижилось в роли самого любимого десерта с начинкой, такой как грецкие орехи и даже мак.

Когда Чонсан впервые попробовала их около пятнадцати лет назад, а, к слову, сейчас ей ровно двадцать, никогда и не знала, как правильно есть фасоль, потому что до этого не пробовала её в сладком виде. С тех пор она была практически верующей. А уж если только что вынули целый противень выпечки на стол, можно запросто с ума сойти.

– Давай-ка поднимайся и бери булочку, иначе так и раскиснешь у меня тут, – восклицательный тон голоса старшей, несомненно, мотивирует вернуться в реальность, от чего девушка неожиданно находит несколько частичек силы, позволяющей уголкам губ предательски дёрнуться в попытке улыбнуться. Бабушка знает, как подбодрить ни капли не отрёкшуюся от привычной в детстве жизни внучку. Она слишком, слишком привыкла жить беззаботно.

Луи хоть и твердила лет до четырнадцати, что с окончанием школы уедет из этой глухомани, как называют некоторые городские, но, кажется, впитала все деревенские соки настолько вовремя, что университет выбрала по принципу «поближе к родной местности». А родители ведь только рады, и их счастье заставляет нежное тепло расплываться по внутренностям девушки.

– Удивительно, – с набитым ртом произносит, ведь не может отказать своей любимой сладости: глаза вновь искрятся, будто в жизни ничего вкуснее она не пробовала. В последнее время приходится нередко оставаться в другой части городка, в своём родном, но наконец отремонтированном доме – родители удосужились приникнуть к нынешним стандартам и сделать более современную отделку, конечно же не без помощи их единственной дочери.

– Не подави... — бабушке не стоит продолжать, потому что с таким же успехом Луи давится после одного-единственного произнесенного слова. Вот такая жизнь не простая, когда слишком сильно любишь, но не можешь отпустить. Ведь... такое точно отпустить невозможно. Только не эти булочки.

Кстати, о любви. Девушка останавливает взгляд на проходе в гостевую, что по большей части является её личной спальней, в которой вместо кровати обычный матрас, а мебель настолько устарела с годами, что стала похожа на атрибутику какого-то ужастика.

Луи это не важно. Она всей душой любит ту далекую атмосферу детства, когда проводила десятки дней в этом доме и забывала иногда ходить в школу, пока бабушка с уверенностью в опрятности внучки занималась своим любимым огородом. Есть ведь дома, в которые заходишь и словно попадаешь в возродившееся прошлое. Домотканые половички, накрахмален-

¹ «Хлеб Кёнджу» – это традиционная корейская булочка с начинкой из пасты из красной фасоли или заварного крема.

ные подушки и занавесочки. И сам домик, где живут такие удивительные в наше время вещи, в воздухе пахнет уютом. Там действительно хочется остаться. Навсегда. Пить чай с вареньем и не замечать ход времени, а когда опомнишься – понять, что запах дома, пьяным для разума духом веющий, по истине сладкий. И захочется вернуться сюда снова.

– Что, все еще не ответил? – женщина с трепетом сжимает руками полотенце после упорной готовки от скрытого нежелания слышать ответ на свой вопрос: лицо Луи поникает, ведь именно поэтому она стала более закрытой со временем. Бабушка помнит, как эта девчушка резвилась с ребятами в школьные времена, бегала по дворам от уличных или даже чьих-то собак, и всей гурьбой с друзьями падала в грязь. Мазалась сама, пачкала других, но разве в праве старшие за такое осудить? Родители всегда имели приоритет в моральном плане – способны и отругать, и в угол поставить, когда бабушка в подобные моменты становится единственной защитой. Луи пряталась за её спиной, как только могла, а после стыдилась за своё безрассудство и рвала с соседской клумбы хризантемы. Приятное, по-настоящему семейное было время.

– Ни разу... – голос затихает. Кажется, не стоило трогать эту тему так резко, но Чонсан знает: бабушка поймёт даже если девушка расплачется у неё на глазах. Она – настоящее сокровище в жизни своей внучки, подаренное даже не Богом, а кем-то ещё более властным. Тем, кто способен соединить всю существующую нежность и теплоту в одном флаконе, в одном только физическом теле.

– Я отправила ему семьдесят девять писем, и все эти четыре года ни весточки, – девушка аккуратно глотает подступивший к горлу ком вместе с куском кенджу. Не то, чтоб она ощущает обиду. Слишком уж многие остаются в одиночестве исключительно потому, что боятся обид. Мы все боимся проявлять заботу о людях, потому что боимся, что другие не позаботятся о нас.

Луи боится того, что **он** забыл её. Забыл, как простое и никому ненужное воспоминание, словно никогда и не было того, что происходило в их детстве. Рассветы, которые они встречали неоднократно на крыше заброшенного дома на самой окраине деревни. Закаты, во время которых их разгоняли по домам и не могли никак разнять – они от того и убегали на целые ночи, а то и сутки, для того, чтоб побольше впитать чувство свободы. Чем старше становишься, тем дальше это безмерное чувство уходит, остается маленькой, блеклой точкой на тёмной поверхности полотна жизни, и в конце концов окончательно исчезает. Безвозвратно.

Девушка без постороннего шума, как будто сможет кому-то в этом уютном доме помешать малейшим движением, кладёт лишь пару раз укушенную булочку на тарелку к остальным. А ведь мама за такое отругала бы.

– Послушай, – бабушка видит то, чего обычно не видят другие. Каждую искру радости, которая только и может промелькнуть в глазах её любимой внучки. Каждый блестящий от накалывающих слёз взгляд в сторону выхода, в сторону того вроде бы светлого и почти погасшего пути.

– Он ни за что не смог бы тебя забыть, я в этом уверена, – её мягкая улыбка скрывает то, что Чонсан ещё не способна различить: её опыт в жизни настолько мал, словно ей не двадцать лет, словно она не прошла через множество этапов человеческого формирования, а осталась где-то там. Привыкла быть ребенком, которому не по силу возникающие трудности, если рядом нет кого-то из близких. Честно, она даже не хочет думать о том, что однажды благодаря самой природе может остаться совсем одна. Боится потерять всех, кому сейчас может в любое время заглянуть в глаза и расслабиться, как только увидит их бездонный мир.

Но... семьдесят девять писем ушли в никуда. А восьмидесятое лежит на краю письменного стола в незапечатанном конверте. Потому что Чонсан всё больше начинает осознавать, насколько её попытки становятся бесполезными. У неё нет заветного номера телефона, нет тех необходимых связей, через которые она могла бы поддержать контакт. Вот, что происходит с людьми, когда они расстаются из-за обстоятельств в слепой надежде, что однажды найдут

друг друга. Через года. Через толпы чужих и незнакомых людей ощутят желанное тепло и дух пленивших вещественное сердце воспоминаний.

Луи смотрит в эти обеспокоенные перед собой глаза и лишь сильнее хочет поддаться эмоциям. Слезы – совсем не показатель слабости, но Чонсан перед судьбой по-настоящему слаба. Люди, сохраняющие тесную взаимосвязь с близким человеком, в основном чувствуют себя лучше тех, у кого этого нет; причем у последних это сказывается и на интересе к жизни в целом.

– Я.. – она поначалу не может сказать что-то от полноты наплыва чувств. Стоит ли смириться с тем, что из жизни по собственной воле ушёл человек, которому Луи верила больше, чем себе или родственникам? Говорили же, что навсегда будут вместе. Она опускает взгляд к своему запястью. Красная ниточка, банальная символика: однажды он надел её на руку Чонсан, лишь бы уберечь суеверную подругу от напасти. Пусть сейчас никто и не верит особо в приметы, но в детстве весь мир казался сплошным волшебством.

– Правда, не переживай, я перестану тратить деньги на конверты, – грустно улыбается, ведь не хочет тревожить хрупкое сердце своими, по правде, пустыми волнениями. Бабушка пережила слишком много, чтоб принимать на себя новый удар со стороны её единственного предмета радости, а в то же время единственной проблемы.

Сколько же эмоций Луи помогла пережить, когда падала с деревьев и травмировала локти. Падала с велосипеда, а её лучший друг приносил ту уснувшую посреди вечера на руках. Он участвовал в её жизни, как главный герой, а сейчас Чонсан не знает о нём ровно ничего. Где он? Как он? Кем он стал и жив ли вообще? Жизнь и смерть так непредсказуемы, так сильно близки друг к другу. Мы существуем, совсем не зная, кто следующий покинет этот мир.

Чонсан осторожно целует бабушку в щёку и поднимается с места, как ни в чём не бывало. Старшую это совсем не радует, но остановить не пытается: если Луи захочет, она будет стоять на своём до последнего и бесследно скроет всё, что её тревожит.

– У меня сессия скоро, я, наверное, пойду готовиться, – возвращаясь из недалёкой от смежной с прихожей кухни комнаты, своего тихого убежища, куда иногда приходит перевести дух после тяжелого дня, осведомляет бабушку Луи. Рюкзак на плече, легко сжимающая лямку от него ладонь – женщина видит эту картину не впервые, но как никогда раньше рада видеть, что её внучка прямо перед глазами. В белой футболке и поверх накинутой, расстёгнутой донизу голубой рубашке, тёмные джинсы, порванные на коленях, и ни единой царапины, словно с её кожи успели вовремя смахнуть мешающие пылинки.

– Маме с папой булочек возьмешь? – бабушка всеми силами старается перенять это резко пропавшее доброе настроение, лучше внучки запрятав участившееся биение сердца. Одно из двух: или ничего не можешь изменить, и тогда волноваться бесполезно, или можешь – в этом случае следует браться за дело, а не тратить силу на беспокойство и гнев.

– Ты же все равно вручишь их мне, даже если я откажусь? – улыбка в самом деле стремительно теряет нотки разочарования: Чонсан отвлекается, только вот правда, ненадолго. Вскоре чувствует тепло контейнера с кенджу пальцами, до нежного покалывания на кончиках всматриваясь в кремный, а по большей части ближе к тёмно-бежевому цвет сладости. Однажды она научится их готовить самостоятельно, но точно не сегодня: всё так же, как и в детстве у неё нет дружбы с кухней и новомодными приборами.

– *Спасибо*, – тихо произносит в благодарность уже на входе, наконец перешагивая чуть выступающий от всего пола порог и выходя в цветочный двор. Всё вокруг пахнет началом лета, а ведь на дворе уже почти середина июня – любимое время года её... друга. Того принца из детства, которого Луи панически боялась потерять.

– Постановление прислали сверху, устав предприятия нужно переписать под новую систему, – мужчина устало валится на тёмное кресло, за спиной которого расположилось окно

в пол. Вид на весь город. Как же глаза устают ежедневно смотреть на эту стандартную серость и воспринимать всё в исключительно рабочем формате: сколько недель Дион выходные проводит на работе отца? После переезда по причине повышения его должности, а в скором времени благодаря присвоения ему должности заместителя владельца фирмы, пришлось подчиниться воле старших. В целом, ни один из семейства Цой, помимо самого отца, не питает страсти к этому производству. Никому ненужный бренд одежды, притом пользующийся популярностью в основном у людей до тридцати – ну не глупость ли статному человеку такое выпускать?

– Пап, я... – ему не судьба возразить под стремительно ужесточившийся взор старшего. Дион прекрасно понимает: два года назад он сам согласился на помощь, но, когда стало практически невозможным совмещать учебу в университете совсем не по специальности в экономической сфере, ему приходится находить причины, по которым он не сделал тот или иной документ, всю эту дику профессиональную волокиту по подсчёту статистических данных компании.

– В третий раз, серьезно? – Цой-младший слегка недовольно вскидывает брови, опираясь о спинку менее удобного, чем у отца, скорее для клиента стула, спина в скором времени скажет ему глухое «прощай», а заметит парень лишь когда все дойдет до плачевной точки.

– Я не виноват, что они постоянно меняют систему подписей, – заметно, что мужчина устал не меньше: кажется, это ощущение у них семейное. Наверняка всем знакомо чувство, когда просто хочется вырваться из суеты. Просто не идти ни на какие на компромиссы и не договариваться, а искать покоя в самом себе: поразмыслить, найти решения, просто отдохнуть наедине с самим собой.

Дион напряженно выдыхает только от одного вида различных стопок бумаг, в которых разбираться он даже не пытался – в его части лишь письменное составление малого из всех документов, которые только имеются у этого ручного фактически бизнеса, строго по выданным ему шаблонам и критериям. Собственно, с подобным содержанием бумагу старший и протягивает ему в знакомом порядке: в ближайшую ночь у Диона точно не будет времени сомкнуть глаз.

– Я надеюсь, в ближайшее время смогу освободить тебя от этого, но просто пойми, – старший переходит на менее субординированный стиль общения, ибо помимо них в кабинете не осталось ни души, наконец, под завершение рабочего дня для большей части официально зарегистрированных работников офис остается «завтрашним планом».

– У меня нет других вариантов, иначе придется сутками здесь просидеть, – и младший это прекрасно понимает. Чаще всего люди, которые отдают всего себя работе, не имеют благополучных семей и в итоге оказываются на улице в полном одиночестве, зато с престижной должностью в популярной и вполне успешной компании. Звучит, как абсурд.

Наверное, абсурдом и является. Дион пробегается глазами по тексту, невзначай прикусывая внутреннюю сторону щеки – с каких пор он настолько хорошо понимает все эти сложные документы, составленные непонятно каким разумом?

– И, да, добавь в третий или, еще лучше, второй подпункт строчку о том, что общество является юридическим лицом и имеет в собственности обособленное имущество, – кажется, эту информацию младший однажды при составлении документа упустил. Отец считает ошибку по недоверчивому, отчасти даже отстранённому взгляду из-за бумаг. Дион привлекает других своим строгим видом, пусть на нем и будет одет розовый пиджак с пришитым плюшевым попугаем на плече. Взгляд решает многое, а укладка его по природе тёмных волос тем более – только вот недавно Цой по собственной воле прервал своё показательное равнодушие яркой покраской волос, чему была рада одна только мать: мол, наконец-то сын удосужился вписаться в стандарты нынешней молодёжи.

– То, которое учитывают на его самостоятельном балансе, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности,

быть истцом в суде, и так далее. Достаточно понятно? – в ответ молчаливость сына не прерывается. Он согласно кивает в ответ, повторно проворачивая сказанное мужчиной в голове – зрительно обозначил примерный участок между строк, где стоило бы уточнить об этой короткой детали.

– Займись учебой в ближайшие недели две, как закончишь это: я постараюсь найти тебе замену, – как бы сложно не было, как бы хорошо дело не шло, но до сих пор возникает недостаток работников. Тех же бухгалтеров: как уже можно было понять, в них организация несказанно нуждается.

Вечерняя пелена окутывает не сразу, поначалу только ослепляя чуткое зрение розоватыми лучами заката. Когда-то давно Дион любил наблюдать за заходом солнца, пока был рядом со своей подругой детства. А ведь её имя осталось в памяти настолько чётким, что порой Цой благодарит несуществующих лично для него богов в том, что не утерял такой важный аспект жизни за несколько прошедших лет. Почти четыре года назад Дион покинул родное место, ни разу в нём так и не побывав после – лишь проезжал мимо, когда ездил со своей группой из университета на фестиваль весны студентов.

Честно, парню эта затея с активностями в университете никогда не нравилась: скопление народа, тем более, слишком уж наигранно наслаждающихся жизнью ровесников – это определённо не его вариант. Лучше тихие посиделки со стаканом пива под непонятную пиксельную игру на приставке.

– И еще, – набор информации никогда не закончится, но, верно, старшему бесспорно удалось заинтриговать интерес сына. Неужели Цой сможет подтянуть свою четвёрку по физиологии. Дион в детстве никогда не думал, что пойдёт в педагогический, выбрав довольно скептический путь декана в университете – стать лектором и всем подобным не просто, но разве когда-то он выбирал пути полегче?

– Мы хотели поискать вариант дачи, в выходные, наверное, начнем с Хахве, – сердце пропускает удар. Оно обычно умирает медленно, сбрасывая надежды как листья, до тех пор, пока не останется ни одной, вообще ни единой надежды. Некоторое время назад Дион почему-то окончательно решил, что уже никогда не встретится с людьми, которые были в его детстве. Не увидит той ясной улыбки, которую он наблюдал, как только Луи просыпалась – они нередко спали в стогах сена, когда убегали от родителей на ночь.

Упомянутая отцом деревня является важной частью наследия Кореи, сохраняя в себе архитектурный стиль периода Чосон – атмосферный фольклор, ценные книги и старые традиции корейских клановых деревень – то, что занимает особое место в сердце молодого преподавателя. А ведь в том самом теплом детстве Дион мечтал стать полицейским и воссоздать наконец великое правосудие в криминальном мире. Как бы не так.

– Поедешь с нами? – вопрос кажется риторическим. Очевидно, что их далёкое, но такое запоминающееся прошлое станет чем-то согревающим в самые холодные дни – в городе пусть и теплее на пару градусов, чем за его пределами, но привыкшим к вечному лету людям здесь явно будет не по себе, когда пора снега придет.

– Смотри, смотри, – девочка с русыми волосами настойчиво дёргает друга за шорты, совсем не подозревая, что в скором времени доиграется: старший от нового напора скатывается прямо вниз по округлому стогу сена, с недовольным звуком падая куда-то рядом с девочкой, стоящей всё это время внизу. А Луи заливается звонким смехом просто потому, что на самом деле догадывалась о подобном исходе событий. Специально напугала старшего, ну и шутница.

– Красивый же жук, – на её руке и вправду сидел довольно большой, обладающий неплохой особенностью в виде двух больших рожек, будто у оленя, жук. У Диона глаза невольно расширяются от такой картины – он никогда не понимал эту любовь Чонсан к различным насе-

комым. Как можно быть такой добродушной ко всему окружающему миру? Как вообще можно взять в руки это неизведанное нечто?

– Луи... – настораживающий тон голоса заставляет младшую затихнуть: неужели она напугала Цоя этим жуком? Чем-то, да всё же может отличаться любой в нашем мире. Если один видит на крепком панцире насекомого отражение высоко поднявшегося солнца, ярко-голубого и совсем безоблачного неба, то другой в своё время хочет показать, насколько больно могут впитаться в кожу его не острые на вид рожки.

– Прости... – Луи рефлекторно присаживается к земле, дабы опустить жука сразу после тихого позыва друга: пожалуй, между дружбой и какой-то мелочью в виде странного жука Чонсан выберет именно первое. Ей в самом деле всю жизнь было всё равно на внешние факторы, пусть хоть смерч рядом с домом образуется – она никогда не бросит Диона.

Как говорится, не приходи в уныние при расставании. Прощание необходимо для того, чтобы встретились вновь. А новая встреча, спустя мгновение или многочисленные жизни, несомненна для тех, кто навсегда в глубине остается друзьями.

– Эй, нет, все в порядке, – Дион осторожно касается чужой ладони, с которой только что неторопливо сошла на лист лопуха тёмно-коричневая причина новых улыбок младшей.

– Ты крестик потеряла, – неожиданно замечает старший, мимолетно глянув на тонкую шею Луи, и вновь улыбка ползёт на его лице. А глаза блестят, и девятилетней Луи этого более, чем достаточно, чтоб повеселеть вновь, потому что она искренне любит радовать своего друга, особенно такой глупостью. Она подаётся вперед в попытке крепко обнять Цоя, на что тот отвечает чистой, такой детской и доброй взаимностью.

И оба неожиданно тонут в высокой траве, от чего наверняка никто и никогда их не нашёл бы, если б они навечно уснули там. И сейчас, спустя одиннадцать лет Чонсан мечтает о том, чтоб вновь оказаться в тех крепких не по годам руках – Дион старался каждый день делать хоть какие-то силовые упражнения для того, чтоб, цитируя его тогда упомянутые мысли при родителях Луи, чаще носить травмированную от падений подругу на руках.

Утро было тихое, а город, окутанный тьмой, мирно нежился в постели. Пришло лето, и ветер был летний – такое теплое дыхание мира, неспешное и крайне ленивое. Стоит лишь встать, высунуться головой в окошко, и тотчас поймёшь: вот она начинается, настоящая свобода и жизнь. Вот оно, первое утро лета. А тогда, в детстве не нужно было даже в окно выглядывать, эти двое встречались рано утром или после ночи на лесном поле, расположившимся чуть дальше от самой деревни, и бежали к бабушке Луи за тёплым молоком с печеньем. Шоколадная крошка в сладости теста, как изюминка – Чонсан запомнила навсегда тот факт, что Дион обожает шоколад.

– Спасибо, – в один голос кричат дети, когда бабушка скромно улыбается и уходит во внутренний двор дома. Не успевают и ответить, как эти двое исчезают с поля зрения – убегают далеко, а возвращаются с приходом темноты.

В деревне никогда не бывает злых людей, здесь все друг друга в лицо знают, пускают периодически пугающие слухи, но всё равно в итоге возвращаются к их первоначальному варианту... всё так тепло, дружелюбно. Все делятся собственным сыром, хлебом, а это потому, что люди в деревнях на самом деле добрее. В городе можно прожить, зажав свои израненные сердце и душу крепко в кулаке, но в деревне они должны открыто светиться в твоих глазах.

Детские забавы разделялись – у каждого свои догонялки, свои ттакджи², свои резиночки, но все нередко сходились по выходным в центре небольшого городка для того, чтоб устроить большие прятки – жеребьёвкой выбирается несколько человек, которые будут искать: чаще всего это взрослые люди, так как дети запросто могут потеряться или отвлечься.

² (кор.: ##). Первый игрок кладёт свой ттакджи (сложенный лист бумаги) на пол, а второй должен бросить свой так, чтобы перевернуть ттакджи соперника. Выигравший забирает бумажку проигравшего. Цель – получить как можно больше ттакджи.

А дети... они разбегаются, как мышки, тихо прячутся и послушно ждут, иногда пытаюсь с трудом удержать смех – специально веселят друг друга в кустах, на заброшенных территориях милых одноэтажных домиков. И один раз Луи привела в такую игру маму Диона, чего мальчик совсем не ожидал – удивился, как только увидел знакомую женщину возле ведущего игры, пока Луи с довольной улыбкой чуть ли не прыгала рядом – её родители постоянно работали, желая для дочери лучшей жизни, и не могли поучаствовать в подобных мероприятиях.

Может поэтому они считают своё детство лучшим? В определённый момент жизни всем говорят, что пора завязывать с детскими играми, только неизвестно, когда именно этот срок настанет. Кому-то это говорят в восемнадцать, а кому-то только в сорок, но говорят всем и наверняка.

– Итак, я считаю до тридцати двух, – довольно странное число, но почему-то детей забавляет неровное количество. Дион незаметно тянет младшую раньше начала счёта, потому что уже знает, где можно спрятаться и без сомнений стать победителем – призы за лучшее место для прятков всегда неизвестны вначале, и каждый раз дают что-то новое. Игрушку, книгу... неважно, главное – есть цель, есть стремление и настоящая мотивация, а сейчас Диону и Луи этого очень не хватает, особенно когда усталым возвращаешься с учёбы и теряешь желание снимать с себя одежду, не говоря уже о домашней работе или тем более уборке в комнате.

Они бегут вразброс, а Цой всё ещё крепко за руку младшую держит. Её наивный характер, который старший всего на два года Дион старается постоянно оберегать. Вдруг кто посмеет обидеть его милую Луи? Было ведь и такое. Дион влезал в драки, когда Луи обижали приезжавшие лишь на каникулы мальчишки постарше.

Как они вдвоём были готовы расплакаться от разочарования, но в итоге сидели на лавочке возле дома и ждали, пока бабушка обработает им синяки. Стояли до последнего, лишь бы доказать, что никогда они не были слабаками. И ведь на самом деле: порой жить с информацией, которая не говорит ни о чем хорошем, слишком тяжело.

– Мы можем сделать это сегодня? – озадаченно, в нетерпении спрашивает Дион и совсем не скрывает улыбку, потому что знает: ещё не все потеряно. Может, у него только что появился шанс наконец встретить свою причину улыбок? Можно ли вообще так долго протянуть наедине с воспоминаниями? Они как любимый мягкий шарф на шее, на котором рано или поздно сообразишь повеситься. И Цой постоянно себе напоминает: он не должен терять надежду. Не должен сдаваться до тех пор, пока снова не возьмет за руку её, Чонсан Луи из деревни Хахве.

became

Жить с каким-то принуждённым ожиданием становится проще. Человек может долго терпеть, ждать, надеяться, требовать и в конечном итоге, если всё получится, любить. Дион не может обозначить конкретным словом то чувство, какое ощущает при воспоминании о Луи – она определённо оставила глубокий, но безболезненный след в его душе.

Надо, пожалуй, почаще хвастать детскими подвигами. А то живёшь как дурак, взрослеешь и забываешь, что на самом-то деле ты великий герой, непоколебимый рыцарь, которому море по колено. Луи постоянно называла старшего принцем, а в ответ получала то, что всё время, как впервые её смущало – даже лет в четырнадцать, ей все равно нравился короткий диалог, состоящий всего из шести слов.

Пришлось потерпеть ночь, ведь отец устал и не захотел ехать поздним вечером в какую-то глушь, так что Дион переходит в новый день всё с той же мыслью. Где-то в глубинах, если идти по тропам и сельским дорогам, до сих пор стоит дом бабушки Луи. К сожалению, место жительства самой Луи Дион совсем не помнит – у него постоянно случаются характерные для многих живущих в городе, занятых и тревожных по уши людей пробелы в памяти.

– Господин Дион, вы.. даже не позавтракали! – низенькая женщина бежит за парнем через всю квартиру, чуть ли не спотыкаясь на лестнице со второго этажа: парень с тихим шипением резко поворачивается к ней лицом, чтоб убедиться, что та ничего себе не повредила, и поправляет на себе воротник пиджака: осталось всего четыре пары до того, как он сможет поехать в чудесный городок детства.

– У меня нет времени, Юнби, я забегу в кафе, – порой хочется уговорить отца любой ценой убрать помощников, как он их сам и называет: слуг себе Дион никогда не хотел, считая такой труд непостижимым для человека, унижительным и крайне неподобающим. Но, по правде говоря, за хорошие деньги даже самый стереотипный человек согласится на прислуживание кому-то очевидно богатому, правда, не удалось ожидать, что в свои двадцать два Цой будет убегать от женщины с проснувшимся материнским инстинктом по собственной квартире.

– Но... а галстук, вы забыли! – она не успевает говорить вслед за потоком своих мыслей, стараясь как можно лучше помогать сыну своего начальника, и удивительным образом успевает удержать в руке три похожих по цвету, но всё же различимо разных оттенков фиолетового галстуков: пожалуй, единственная в гардеробе Диона вещь, которую он решил разнообразить цветами, помимо пастельных и серых.

– Спасибо, – на усталом, а если быть точнее, замученном от всей утренней спешки выдохе парень всё-таки выбирает один из галстуков, прямо по дороге к внутренней парковке на первом этаже дома стремительно завязывая его под воротником кристально-белой рубашки.

А ведь раньше хотел идти против системы, лет так в шестнадцать по совету той же Луи начал одеваться настолько стильно, что отец собственноручно решил избавиться от подобных вещей в его гардеробе: их статусу не подобает носить рваные брюки, футболки с огромными вырезами на спине и ребрах. Цепи, серьги – это всё давно ушло из вкуса Цоя-младшего, потому что его возраст вместе с образом жизни заставили осознать: счастье не в мелочах, по крайней мере, не в том, что сам Дион считает мелочами.

Он облегчённо выдыхает только когда оказывается за рулем. Даже дома не может расслабиться по-настоящему. В сущности, жить со слугой для взрослого человека губительно – при всем старании разучишься обходиться без посторонней помощи в самых обычных делах, и как раз по этой причине Дион не способен назвать себя взрослым. От этой жизни сплошные проблемы, берущие начало в неумении вести разговор в простой, нерабочей среде, а заканчивая

очередными документами, о которых в его возрасте и задумываться не пытаются. Слишком рано он начал жизнь, от которой старшее поколение хочет поскорее избавиться.

Приходится надеть очки. Он обладатель не сильно предпочтительного для вождения зрения, но идти пешком до университета около двух часов, особенно когда до пары остается минут двадцать – проверка терпения не в его стиле. Что угодно, но не долгие прогулки по пыльному городу или, тем более, не поездки в забитых людьми автобусах. Дион даже не помнит, когда он последний раз там был.

Всё окружение на улицах шумного города Цой просто терпеть не может: эти однотипные скорченные лица, недовольный плач детей на каждом углу – противно слышать, особенно когда ты сам с трудом удерживаешь эти слезы. Но всё-таки пришлось научиться. Пришлось привыкнуть. Убить в себе все чувства, которые городские жители могут посчитать показателем слабости, ведь слабых людей растаптывают вмиг. В деревне всё было совершенно иначе. Иногда быть сильным – это не делать ничего, и наоборот – приложить силу – значит проявить слабость. Сила для него – это в конечном итоге мудрость. Мудрость уместности всего, что он делает, как двигается, что говорит.

Бесконечная дорога. Тысячи машин, встающих в единую пробку – каждый водитель не доволен, но ничего не может с этим поделать ровно до того, как машина спереди наконец двинется, хоть на немного. Долгожданный цвет светофора, позволяющий спустя тянущие минуты две вернуться к начальной цели, а то в ожидании мысли уходят далеко не в то русло. Что было бы, если б Дион остался там, в деревне? Жил бы счастливой жизнью, беззаботно катаясь на автобусе каждое утро до университета, а поздно вечером обратно? Но зато был бы рядом с Луи. Смог бы побороть все наращенные комплексы и сломать прижившуюся систему жизни, лишь бы не видеть угрюмые лица сотрудников компании, практически принадлежащей отцу – об этом: да чёрт, каждый божий день их директор не делает ровным счётом ничего, либо Дион настолько слепой, что никогда не видит его на рабочем месте.

Гнев на других выплёскивать плохо. Вредно для себя же, потому что каким бы верующим человек ни был, бумерангом многое возвращается в тот самый момент, когда ты вроде бы счастлив и не ждешь ничего – ни повышения позитива, ни его спада.

Парень одной рукой свободно прокручивает руль в сторону, а второй почти что подпирая от желания уснуть прямо на месте голову, но всё же не позволяет себе заснуть. Касается пальцами губ в задумчивости, начиная медленно тонуть в океане воспоминаний, ибо половины из них просто... нет. Они будто стерты неизвестным, который всей душой хотел разлучить две связанные души. А в чём же их связь? Луи и вправду не понимает, почему её так тянет к тому, кого она не видела уже около четырёх лет, если не больше. В совершеннолетие Диона они перестали видаться так часто, как делали обычно – на него горой свалилась куча обязанностей, как сына влиятельного человека.

Словно из романтической драмы их история. Было бы оно так – между ними встал бы третий, мешающий развитию отношений своими непокорными чувствами и в том числе ревностью. Чонсан осторожно накрывает глаза руками, уже около двух часов валяясь на собственной кровати: да, ей нравится современный стиль квартиры, где красиво сделана в хаки-белых тонах просторная кухня, которую совместили с гостиной, светлая комната на втором этаже и два туалета.

Но чего-то всё равно не хватает. Её душа постоянно ищет тот уют, который абсолютно всегда присутствует у бабушки дома, благо она может к ней ходить хоть каждый день. Но сейчас, к сожалению, на первом месте сессия, к которой по ощущениям никогда нельзя быть полностью готовым – кто знает, что придумает тот или иной преподаватель? Чон не отличница, но никто и не гонится за сплошными пятерками – родителям главное, чтоб дочь выучилась и получила профессию, на которой захочет работать. Ведь у каждого человека есть свои жела-

ния, которые он не сообщает другим, и желания, в которых он не сознаётся даже себе самому. Луи и сама не знает, чего хочет от жизни, кроме как...

– ..встретиться кое-с-кем, – она стоит напротив зеркала с бледной подсветкой, дабы сильно не использовать и без того постоянно затрачиваемое электричество, в руке удерживая зубную щётку с выдавленной на неё пастой с еловым вкусом и даже запахом. В отличие от многих паст, эта почему-то не провоцирует чувствительность, может поэтому она так и хороша в холода, когда зубы становятся особо капризными?

– Снова с этим своим Хонджуном? – мама на другом конце звонка опрометчиво усмехается, а Луи невольно закатывает глаза и, наконец, отправляет щётку в рот. Конечно, а куда деваться, если маме всё равно, когда звонить, видимо она и не против послушать шум воды и ответы дочери с набитым ртом.

– Он мне с уголовным правом разобраться поможет, там довольно много вопросов к экзамену дали, – и вправду, Луи иногда напрягается от всплывающей мысли о том, что она учится на юриста. На адвоката, в идеале. На того, кто должен защищать преступников, и совсем не важно, скольких людей и насколько жестоко они убивали.

– Смотри не влюбись, – как же без этого. В возрасте Луи все давно заводят отношения, а кто-то даже полноценную семью. Ей это не особо интересно, словно изначально по судьбе записано множество иных целей – она наблюдает за собственной реакцией, как ни странно, на изречения старшей в зеркале: мама всегда казалась девушке необычным человеком, с довольно тёмным и непозволительным для светлого восприятия мира её дочерью юмором.

– Я не настолько фанат правонарушений, – младшая невольно усмехается, затем наконец начиная чистить зубы спустя несколько минут бессмысленного изучения себя в зеркале. Но... честно, она забыла. Совсем забыла. Чонсан поначалу думает, что опять внезапно возникший кашель вызван попаданием в горло довольно резкого вкуса хвои, следом чуть не пачкая щёткой нежно-зелёного цвета футболку на себе: мама резко замолкает, будто бы даже дышать перестаёт и настораживается от услышанных звуков по ту сторону связи. О чём вообще был разговор? Она потеряла мысль, слишком сильно начиная нервничать в странном молчании дочери.

– Луи, ты давно у врача была? – голос мамы заставляет девушку на несколько секунд задержать это тягучее чувство в груди: непреодолимое ощущение, словно поднимается выше температура, хотя на самом деле, наверное, так и есть, потому что подобное происходит ежедневно.

Ничего нельзя знать наперёд. Луи несколько секунд молчит: а что вообще стоит отвечать, когда с этими бесконечными мыслями о Дионе, представлениями его-выросшего и окончательно сформировавшегося Чонсан совершенно забыла о себе? О своей жизни, которой стоит наслаждаться сполна до тех пор, пока есть время. И она, не долго думая, ставит звонок на беззвучный, выключая у себя одной только кнопкой на дисплее микрофон, пока параллельно с тем мама старается через силу спокойно внушить своей разумной на вид дочери о том, что стоит наконец заняться лечением, одновременно таким необходимым и таким ненужным – Луи всё равно включает воду, её гулким шумом окончательно обеззвучив всё то, что ей внушают. Потому что ей не нужно. Она верит, что ей давно ничего помочь не сможет.

Вокруг сотни глаз. Дион периодически ощущает себя чем-то похожим на сгусток крови, который монотонно передвигается по плоскости и ищет выход с закрытой территории. Каким вообще образом он дошёл до жизни, в которой на полном серьёзе очерчивает с дичайшим презрением взглядом остальных? Таких же юных, но безрассудных людей... Вроде как взрослые, имеют отношения и, может, собственные начинания в бизнесе, а по вечерам и выходным пропадают в каких-то гаражах отцовских, коттеджах с бассейнами и литрами пьют алкоголь,

который наутро, а может ещё раньше выйдет из них обратным путем. В чём вообще смысл подобных вечеринок?

Что такое эта их вечеринка? Это когда пятьдесят человек собираются вместе, чтобы одновременно поговорить о себе. Человек, который остается после того, когда выпивка закончилась – хозяин, и именно этот хозяин страдает больше всех, потому что только ему убирать все изощрения чужих наслаждений, последствия выпитого и съеденного... собственно говоря, лучше делать вечеринки со слепыми, немыми и сытыми – так не будет проблем ни для кого. Или Дион просто не ловил ни разу настоящий кайф с проводимых постоянно вокруг тусовок. Он выбирает провести время с пользой, к примеру как сейчас: садится поближе к лектору, лишь бы не слушать перешёптывания студентов вокруг себя. Мол, ой, а меня парень вчера бросил – ему всё это абсолютно не интересно. Единственный человек, о котором на самом деле хотелось бы узнать немного больше, находится слишком далеко.

Луи, словно чувствуя мысли Диона где-то там, в городе, бездушно изучает взглядом потолок, когда уже минут так десять лежит на кровати после утренних процедур, потому что не знает, куда себя деть. Зачем её искать Цоя вновь, если тот всё равно не читает письма? Странно в современном мире посылать такую вещь, как бумажка с рукописным текстом, но разве у неё был когда-то выбор? Точно так же, как письмо может прийти не по адресу, судьба тоже может ошибиться, и человек родится не в том доме, где ему это предназначалось.

Но рано или поздно письма находят своего адресата, а люди – свою дорогу. По крайней мере, остается на это только надеяться. Луи осторожно поднимается с места, словно любое движение может стать для неё... ах да, последним. Конечно. Однажды она испытает на себе тихую и безболезненную смерть во сне, о которой не хочет мечтать. Смерть – то, чего Луи боится больше всего, но каждый день засыпает с мыслью о том, что не проснуться утром будет не самым худшим исходом.

Письмо на краю стола, которого Луи касается рукой, достается из так и не запечатанного конверта – в этот раз письмо Чонсан точно не отправит, потому что теперь стоит попросту потерпеть. Недолго. И Дион уйдет из её мыслей, как, наверное, и сделала Луи у обратной стороны. Это простое, банальное детство, в котором были разные люди и разные события, не стоит принимать всё настолько близко.

Она ведёт кончиком пальца по краю немного помявшейся бумаги, а глазами следом за этой невидимой линией – от этих писем исходит особая аура, которую ощущает только она. Никто и никогда не читал, что внутри, кроме самой Луи, ведь, если бы Дион прочитал, то непременно отправил бы ответ? Или он принимает каждое письмо, но игнорирует? Пытается там, в этих безжизненных многоэтажках избавиться от них, каждое собственноручно поджигая обычной зажигалкой из супермаркета.

...А Цой прервал бы любое дело, даже экзамен, ту же сессию, если б хоть на одном конверте увидел бы знакомое имя, отдающее ласковым отголоском, как будто в тот же миг удастся вновь слышать не голос нудного лектора, который рассказывает об особенностях психологии трудных подростков и о методах их обучения, а голос того бесконечно светлого ребенка, которого Дион имел желание воспитать. По-своему. Чтоб Луи стала такой же доброй, как на тот момент был Дион, чтоб выросла счастливой и здоровой, как... нет, не как другие люди. Цой был готов купить или заработать собственным трудом, что казалось ему более реальной и желанной перспективой, собственным трудом весь мир для Луи.

– Не забывайте, что в этом семестре вы сдаете проект по когнитивным стилям личности, – мужчина как рубцом по душе резанул: новое задание, о котором Дион успешно забыл ещё в самом начале календарного года. Где-то парень читал, что университеты учат быть вечными циниками – цинизм, который можно утопить только в алкоголе, таблетках для похудения, психоаналитиках и гольфе. Отчасти, правда. Цой даже не знает, какого мнения стоит придерживаться и соглашаться ли хоть когда-либо с общественным.

– Можете быть свободны, – мужчина с соответствующим хлопающим звуком закрывает папку с собранной для четвертого курса педагогического факультета информацией по сегодняшней теме, без интереса наблюдая за тем, как гурьба, не настолько большая, как на первом курсе, студентов направляется к довольно узкому и неудобному выходу из лекционной аудитории.

Дион не любит высокие потолки и хотя бы в коридоре восполняет это желание оказаться в узком пространстве, едва успевая свернуть ближе к стене, когда первокурсники решают разыграться в догонялки, словно им лет по десять.

Десять... юбилей, на который Дион подарил Луи огромный букет сушёных фруктов. Он знал, насколько младшая любит фрукты и сладости, решив их нестандартным образом совместить. Целую ночь клеил запакованные кусочки, насаживал их на палочки, лишь бы получилось красиво, чтоб было жалко даже распаковывать. А Луи была рада настолько, что аж забыла про букет, пока крепко обнимала старшего и плакала в плечо. Тогда и удалось понять, что плакать могут только сильные и красивые до безумия люди. Может, Луи одна такая на свете? Та, кому можно постоянно проявлять эмоции, и ей за это ничего не будет.

А как она ведет себя сейчас? Дион не хочет мириться с таким упущением, как этот факт, чуть ли не до пола вдавливая педаль газа, стоит только освободиться после пар под вечер.

Самое приятное в поездках – это то, что в них тебя окружает одноразовый мир. Поселяешься после муторного перелёта в номере отеля и находишь там одноразовое мыло, одноразовые пакетики с шампунем, крошечные одноразовые брикеты масла с одноразовым пластиковым ножиком, одноразовую бритву и даже одноразовую зубную щетку. А кто-то ведь даже никогда не видел этих самых отельных наборов, потому что не задумывался о мире за пределами своего комфорта. Луи никогда не видела себя в городе. Она не сомневается, что не смогла бы адаптироваться в многочисленных толпах живых и спешащих постоянно куда-то людей, в различных нестандартных супермаркетах. Она сходит с ума от одного пребывания в университете, не считая того, что общением с другими отвлекает себя от навязчивых мыслей.

А зачем вообще ей учиться? Зачем нужно всё то, на что тратятся родительские деньги и время? Она не нужна этому миру, потому что судьба сама записала ее в список тех, кто исчезнет раньше положенного. Не поможет никакая химиотерапия, потому что все лекарства – сплошной бред. Самовнушение, в которое Чонсан верить отказывается напрочь. Она просто прячет восьмидесятое письмо в верхний ящик тумбочки, лишь бы скрыть от других свои глубокие мысли, и ведь только Диону она смогла, пускай косвенно, как оказалось, но всё же открыться. Целиком и полностью. Нет смысла жить, когда внутри отсутствует напрочь этот смысл.

На автоматизме двигается к первому этажу, чтоб хотя бы сделать себе завтрак... а зачем? Луи постоянно задаётся этим вопросом, что иногда начинает терять смысл двух вопросительных и, наверное, смысла не имеющих слов. Так и в любви будто бы нет смысла. Нет логического объяснения тому, почему люди любят друг друга, ибо любовь на самом деле от начала и до своего конца бессмысленна, но вот по природе должны любить, иначе такое чувство, как влюбленность, сама любовь как явление безвозвратно погибнет, и мы вечность будем одиноки, и тогда человечество точно исчезнет. «Любовь – это лучшее, что есть во вселенной.» Сколько же раз подобное удавалось слышать. Это ужасно банально, но это, наверное, правда, раз старшие говорят об этом – не нужно искать смысл там, где его быть не должно.

Дион не любит, когда находится за рулём в присутствии семьи. Глупо, но отец иногда подмечает эти малейшие недостатки в вождении сына – что сделать, если у каждого свой стиль, как и в одежде? Везде человек индивидуален, а другие не имеют права упрекать. Но приходится просто молча соглашаться, потому что младший априори не должен иметь своё мнение – не так, случайно, его воспитали?

Определенно. Он был удивлён, когда однажды его не отругали за первый вырвавшийся при родителях мат, потому что одно из заданий по математике было ну крайне неинтересным для такого, как Цой Дион. Парень немного шурится, когда темную довольно дорогу помимо фар машины освещает фонарь. За ним следующий, а потом даже третий.. неужели в такой местности додумались их поставить?

На тёмно-сером небе кое-где мигают бледные звёзды, влажный ветерок изредка набегает лёгкой волной и обдаёт кожу непонятным холодком, стоит только раскрыть окно во время ровного движения по бесконечно-длинной дороге и следом получить возмущение от матушки – и в тот же момент слышится сдержанный, неясный шёпот властительницы эмоций, самой ночи через слабо шумящие, облитые от корней до самой макушки ветвей тенью.

В деревне люди в такое раннее время суток невольно ёжатся, фыркают и щеголевато переступают ногами; пара только что проснувшихся белых гусей молча и медленно перебирается через пустующую дорогу с небольшими на ней ямами, периодически возникающими на пути. За виноградным плетнём, в саду коровника, мирно похрапывает сторож; а каждый звук словно стоит в застывшем воздухе, стоит и никак не проходит

Дион с Луи любили бегать в конюшню неподалеку от леса на окраине городка. Там постоянно стоял такой резкий запах, что оба практически с несравнимой ни с чем синхронизацией чихали раза по три подряд, а то и во время оставшейся прогулки пытались избавиться от оставшихся частичек свежего аромата животных. Тогда всё было бесплатно. Не за деньги, как сейчас, а за радостные улыбки детей и взрослых.

Они медленно проходили мимо загонов с различными лошадьми, подолгу вглядываясь в каждую, но Луи постоянно бежала только к одной... рыжая лошадка с практически золотистой гривой, тогда была ещё маленькой и не готовой к постоянной езде. Бродя как они даже ходили на занятия по верховой езде, только у Диона интерес быстро пропал: не для него такой вид наслаждения. Проще наблюдать за смеющимся Луи, которая с трудом может ногу к подпруге на брюхе лошади поднять – в то время она была совсем маленькая ростом, получив тем самым новый повод для насмешек со стороны ровесников.

Дион не хочет думать о том, что после его неожиданного исчезновения все могло у и без того ранимой Луи дойти до ужасного исхода. Он хочет ещё раз посмотреть в её глаза, которые ну очевидно несравнимы с любыми другими – не могут быть прекрасными глаза, что слёз ни разу не видали. Не может быть красивой душа, что горя никогда не испытала. В груди должны стучать живые сердца, а не куски металла или холодных, не растопленных льдин.

Дорога многому учит. Например, тому, что ты ничего не можешь взять с собой, если остановишься в одном из приглянувшихся тебе мест – ни зеленый сад, ни ту старую калитку, ни начавшую не так давно расти яблоню, ни старое ореховое дерево с красивым незамысловатым узором на листьях, ни не видимого ни единому глазу до тех пор, пока не подойдешь ближе к стволу, дятла, методично отбивающего прямо-таки барабанную дробь там же, на том же ореховом дереве, ни птичий утренний гомон, который в городе услышать можно с трудом, ни добытые по пути трофеи – жёлуди и цветы всевозможных форм и оттенков. Всё это останется здесь, на этой земле, а люди двинутся дальше, разве только чуть сожалея об оставленном.

Хотя, может быть, четыре года – не такое уж и весомое время? Дион облегчённо выдыхает, как только выходит под утро, прямо на рассвете с водительского места – поясница всё больше ноет о том, что парню стоит обратить внимание на собственное здоровье, ведь играть с ним – идея слишком плохая. Луи так же считает, потому что знает, что ей уже не вернуть того, что она потеряла практически с рождения.

– Свежесть, аж голова закружилась... – мама рукой осторожно сжимает локоть давно переросшего её сына, в свободном наслаждении настигнувшей сонной природой прикрывая

глаза. А Дион нагло себе вдыхает больше, как в последний раз, лишь бы голова вновь закружилась от передозировки кислородом – не это ли чувство, по которому он скучал все эти годы?

Родные просторы, кажется, изменились до неузнаваемости: парень в самом деле не помнит этих новых трав, которые сразу же бросаются в глаза. Они остановились в более новом районе, где даже дороги сделали, но радоваться этому не стоит – парню остается только мелкая надежда, что удастся вернуть ту атмосферу, в конце концов, за которой Цой и приехал.

Небо на востоке уже наливалось нежным розово-золотистым светом, будто художник осторожно наносил на холст полупрозрачные мазки акварели. Воздух был напоён ароматами: свежестью разнотравья, сладковатым духом раскрывающихся к приближающемуся дню луговых цветов и едва уловимой прохладой, поднимающейся от земли после ночной росы.

Вокруг царила удивительная, почти священная тишина – та особенная предрассветная пауза, когда мир словно замирает на мгновение между сном и явью. В низинах ещё клубился белёсый туман, стелясь по земле, как шёлковая пелена. Вдали, за полем, темнел лес – его очертания постепенно проявлялись из сумрака, обретая чёткость с каждым новым проблеском света.

Цой глубоко вдохнул, чувствуя, как нежный воздух наполняет легкие, а с ним – несколько странное, почти детское ощущение чуда. Вот-вот всё вокруг вспыхнет тысячами искр: капли росы на травинках превратятся в россыпь бриллиантов, тени станут резче, а краски мира – сочнее. Где-то вдалеке прокричал первый за сегодня петух, и этот звук, такой чистый и звонкий, стал словно ключом к новому дню, эхом разнёсся над спящей деревней.

Дион невольно улыбнулся. В этот миг он ощущал себя частью чего-то огромного и прекрасного, частью этого утра, этой земли, этого безмолвного, но столь живого мира, который только начинал ежедневный танец света и тени.

– Надеюсь, вы здесь надолго, – Дион неожиданно для себя не чувствует прежнего удовольствия от нахождения на природе, когда рядом нет Луи. Мысли о ней участились ровно с момента ощущения неровностей под колесами дорогого автомобиля. Женщина рядом не успевает глаза до конца разуть – Дион именно с такой внезапностью срывается на бег. Настоящий и вольностью наполненный. Не слышит вопросов себе же в спину, потому что сейчас ему становится как-то плевать на всё, что прежде являлось обязанностью. И всё дело в том, что во время бега всегда есть эта доля секунды, когда боль разрывает грудь, когда с трудом можно дышать и когда всё, что глаза видят – это пятна яркого цвета – и именно в эту долю секунды приходит боль, которая живностью очищает тело.

Отец поднимает брови, явно не особо одобряя подобную выходку, в то время как мама вполне понимает мотивы сына: кажется, неспроста он так ждал эту поездку. Она подходит к мужу и спокойно берет его за руку, без слов останавливая порыв недовольства. Дион пойдет по своим путям, если ему это действительно необходимо. Словно навстречу приключениям и без страха спиной к опасности. И только смельчаки, обладающие незаурядной отвагой и верой в свои силы, основанной, конечно, на действительном обладании этими силами, способны бесстрашно смотреть жизни в лицо.

Он свято верит – где-то там, в глубине деревни спит в своей теплой кровати его живое, как никто и никогда другое очарование. Отец смотрит на часы – у них в запасе много времени, так как встреча с владельцем дома запланирована на девять часов. Сейчас и пяти часов нет.

Вскоре Цой сбавляет темп, как только опускается с возвышенности на какую-то проселочную поляну – это, наверное, разделение старых и новых домов, другого объяснения себе найти он не может. Да и не особо горит желанием. Сиреневое пышное облако недовольно застыло на небе, тьма уже давно начала неопределенно сереть, но всё ещё настырно цепляется за небосклон, словно за последнюю надежду остаться в этом мире. Только солнце совсем не спит: то тут, то там можно увидеть его тонкие, по большей части прозрачные лучи. Они

старательно будят рассвет, а тот, сонный и недовольный, начинает злиться. И наконец поднимается.

Дион застывает от внутреннего восторга, пробудившегося трепета и даже какой-то маленькой части его живого организма. Не секрет, что он ради продолжения настроенных дел и учебы без лишних отвлекающих факторов избавился от эмоций. С трудом.

Наконец, взлохмаченный желанием солнца осветить целый город, а то и несколько рассвет, зевая во весь свой жёлтый рот, как ни странно, поглощает то настойчивое ранее, но неожиданно ставшее слабым сиреневое облако. Солнце грозит кулаком тьме, спустя несколько недолгих часов её господства над миром прогоняя. Тёмное одеяло неоднозначно сдёрнуто с неба, потому оно постепенно проясняется, становясь голубым.

В деревне виды совершенно другие. В городе чаще всего не видно ни восхода, ни заката, потому что любые горизонты закрыты сотнями, а то и тысячами высоких домов. Десять, двадцать... тридцать этажей – вот, к чему удалось за эти четыре долгие года привыкнуть. Не сказать теперь даже, что Дион родился и рос в сельской местности, где даже животных, похожих на овец и кур выращивают по сей день в собственных дворах. Как минимум то, что он сквозь высокую траву и набор различных полевых цветов идет в серых брюках прямого раскроя и в такого же оттенка пиджаке... ну не сумасшедший ли он?

Да, сумасшедший. Без сомнений. Парень не привык к росе на траве, которая в такое время берет преобладание в природном мире – покрывает всё, что только сможет. Несмотря на мокрые края брюк, он продолжает двигаться дальше. Воспоминания, вроде таящиеся именно здесь, предательски исчезают, словно Дион оказался здесь впервые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.